

ВИРУС ПОПУЛИЗМА

Дункан Макдоннел

Дункан Макдоннел — политический ученый; сотрудник Бирмингемского университета и университета Турино; специалист по популизму и популистским партиям в Европе. Автор книг «Популизм XXI века: спектр западно-европейской демократии» (2007), «Популисты у власти» (в печати)

■ *Насколько конфликтными вам представляются отношения элит и масс в современной Европе? Насколько глубок раскол между ними? Можно ли говорить о том, что сегодня происходит рост антиэлитных настроений? Какое влияние это оказывает на демократические институты?*

Из-за массового недоверия к элитам зашатались столпы представительной либеральной демократии — в частности, партии и иные формы политического участия. Если мы, например, возьмем данные, которые Роберт Патнэм приводит в своей книге «Недовольные демократии», то увидим, что, хотя поддержка демократии как таковой в целом сильна как никогда, на Западе существенно снизился уровень доверия общества к демокра-

тическим акторам (политикам и партиям), а также к институтам представительства. Как отмечают Ричард Кац и Петер Мейер в своей книге, посвященной «картельным» партиям, и массы, и элиты постепенно теряют интерес к взаимодействию в рамках традиционной демократии. Современные политические партии обычно слабо представлены на местах (в отличие от массовых движений прошлого); членов у них меньше (а те, что имеются, часто носят номенклатурный характер); с избирателями в перерывах между выборами они контактируют все реже и реже. Со своей стороны, электорат «голосует ногами» — поэтому на протяжении последних двух десятилетий активность избирателей на Западе повсеместно и неуклонно падает. В обществе сформировалось устойчивое представление о том, что политические, экономические и культурные элиты страшно далеки от проблем рядовых граждан, что они думают только о себе и, к тому же, нередко коррумпированы. Все это, как вы понимаете, отнюдь не прибавляет легитимности представительной демократии.

■ *Кто является основным носителем антиэлитных настроений — средний класс, обездоленные массы? Какие факторы способствуют росту подобных настроений, а какие — наоборот их снижению?*

Я думаю, и у среднего класса, и у социальных низов наблюдается некая смесь безразличия и неприязни к элитам. Это видно из того, какой широкой, «внеклассовой», поддержкой пользуются внесистемные популистские партии. Существует целый ряд структурных факторов, способствующих росту антиэлитарных настроений. Экономическая и культурная глобализация воспринимается — причем, справедливо — как процесс, за ко-

торым стоят элиты. Как отметил Данило Дзоло в своем интервью, посвященном «авторитарному популизму», сформировалось расхожее представление о некоем классе транснациональных капиталистов, которые понастроили себе небоскребов и мегалополисов и правят из них миром. Политические — а вместе с ними и культурные — элиты воспринимаются аналогичным образом: как нечто само-в-себе сущее, так сказать, жури и конкурсанты в одном лице. В этом, конечно, нет ничего нового. Сильные антиэлитарные настроения наблюдались и в прошлом. Во второй половине XIX века, например, различные реформаторы и просто демагоги винили во всех бедах США финансистов с Уолл-стрит или номенклатурных политиков.

Что касается мер, способных снизить накал антиэлитарных настроений, то думаю, **системным политикам для начала не помешает всерьез прислушаться к тому, чего хотят их избиратели.** Также, наверное, стоит позаботиться о том, чтобы банки и другие финансовые институты после выхода из экономического кризиса хоть немного скорректировали свое поведение — а главное, размеры бонусов.

Кроме того, Евросоюзу, пожалуй, стоило бы начать считаться с результатами национальных референдумов. Например, в Ирландии референдум по евроинтеграции проваливался дважды, и дважды, через короткий промежуток времени, фактически те же самые предложения, только слегка переформулированные, опять выносились на голосование. В итоге возникло ощущение, что Евросоюз не угомонится, пока не получит тот ответ, который ему нужен.

Впрочем, едва ли хоть одно из этих предложений реализуется в обозримом будущем. **Такого рода перемены происходят, когда элитам уже некуда отступать. Нынешним**

же элитам явно так не кажется — мы еще не достигли тут переломного момента.

■ *Какие именно претензии предъявляются современным элитам? Каковы основные обороты «антиэлитной риторики»? Почему обвинения в адрес элиты столь часто приобретают гротескный, преувеличенный характер (они все воры, они думают только о себе и т.д.)? Насколько объективны предъявляемые элитам претензии?*

Элиты обвиняют в том, что они руководствуются только собственными интересами, их винят за недемократичность, а также нежелание считаться с нуждами и желаниями простых людей. Это — ключевые аргументы популистов и внесистемных политиков: мол, элиты «украли» у народа демократию, голос простых людей больше не слышен, и потому их традиции, индивидуальные и коллективные права находятся в опасности. Таким образом, популисты получают возможность именно себя изображать «истинными» демократами.

Что касается обвинений политических элит в том, что они-де сплошь состоят из «ворья», то это опасное обобщение, подрывающее доверие и к представительной демократии в целом, и к отдельным ее институтам. Хотя есть в нем и доля правды — достаточно вспомнить громкие скандалы с участием политического и экономического истеблишмента таких стран, как Ирландия или Италия. Более того, тот факт, что и там, и там лишь очень немногие реально заплатили за коррупцию, только усиливает представление об элитах как о некоей касте «неприкасаемых», «живущей по своим законам».

Тем не менее, я бы не спешил судить о том, действительно ли масштабы коррупции за последнее время выросли. Возможно, просто СМИ сегодня охотнее и более эффективно ее разоблачают. Возвращаясь к Ирландии и Италии, коррупция в обеих этих странах процветает уже давно, однако раньше СМИ боялись расследовать или обсуждать ее так, как они это делают сегодня.

■ *Могут ли антиэлитные настроения сплотить массы и породить новый политический субъект? Есть ли в политическом пространстве группы, способные успешно сыграть на антиэлитных настроениях? Ждет ли нас в XXI веке расцвет популизма, популистских требований и популистских партий?*

Парадокс в том, что сегодня сами системные политики не прочь поиграть на антиэлитарных настроениях. Хотя, конечно, в основном на этом спекулируют именно популисты. В нашей с Даниэлем Альбертаци книге «Популизм XXI века» мы пишем, что социальная демагогия строится на противопоставлении гомогенной массы «честных простых людей» всякого рода эгоистичным и коррумпированным элитам. Если судить по результатам европейских выборов за последние 15 лет, эта риторика все больше нравится избирателям — причем, повсеместно: от Франции до Польши и от Италии до Норвегии. Я думаю, есть все основания ожидать дальнейшего роста популистских настроений. Не стоит забывать, что за последние десять лет популистские партии не просто увеличили свой электорат, но, в ряде стран Европы, даже вошли в состав правительств. Иными словами, **популизм перестал быть протестом, исключенным из центров власти, он близок к тому, чтобы управлять ими.**

Популизм будет распространяться по Европе до тех пор, пока существуют два условия. Во-первых, пока сохраняются структурные условия для его роста (коррупция элит, ослабление связей системных партий с электоратом на низовом уровне, продавливание евроинтеграции сверху, иммиграция и т.д.). Во-вторых, пока остаются политические демагоги, способные обратить соответствующие проблемы в свою пользу. С этой точки зрения, **европейскую демократию можно сравнить с организмом, у которого ослаблена иммунная система, и поэтому он особенно уязвим для «вирусных атак».** Иначе говоря, **«вирусы» всего лишь пользуются общим продолжительным ослаблением организма** — и будут пользоваться, по-

ка этот организм не вылечат. Если мы возьмем, например, Нидерланды, то после убийства Пима Фортейна его партия, действительно, очень быстро развалилась, но ей на смену немедленно пришла другая во главе с Гертом Вилдерсом, добившаяся исключительных успехов за счет тех же лозунгов.

И последнее: когда мы говорим о переменах в демократии, мне кажется, очень важно помнить о том, что демократия со всем, что мы сегодня вкладываем в это понятие (всеобщее избирательное право для мужчин и женщин, регулярные и честные выборы, многопартийность, свобода СМИ), по историческим меркам еще не вышла из младенческого возраста. Вполне может оказаться, что Золотой Век западной демократии, наступивший после Второй Мировой войны и отличавшийся наивысшим уровнем политической активности масс, был всего лишь неким «медовым месяцем» — следствием всеобщего энтузиазма и случайного стечения благоприятных обстоятельств, а отнюдь не «нормальным состоянием». И в этом смысле мне представляется, что **споры вокруг «кризиса демократии» лишены серьезного теоретического основания. Это как винить подростка, переживающего переходный возраст, за то, что он уже не такой веселый и беззаботный, каким был в пятилетнем возрасте.** Наверное, нам стоит подождать, пока демократия станет немножко постарше, и уже тогда делать выводы о том, «что она такое» и «какой должна быть». Демократия в смысле полиархии, как определяет ее Роберт Даль, все еще очень молода и находится в переходном состоянии. Как пишет Герри Стокер в своей книге «Почему политика — это важно»: «Массовая демократия стала величайшим завоеванием XX века. Если мы научимся жить по ее правилам, это станет величайшим достижением века XXI». Я с этим полностью согласен. Хотя и не поручусь, что мы легко уживемся с демократией. ■

Юлия Нетесова специально для Ярославского Форума